

ЕСЛИ вдуматься, четырем поколениям — дедом, отцам, сынам и внукам — одинаково близки и понятны образы, созданные одним актером. Часто ли случается такое единодушие? Нашу беседу Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий, народный артист СССР Павел Петрович КАДОШНИКОВ начал вот такими словами:

— Знаете, когда мне случается слышать разговоры молодых о нашем поколении — будто не так мы жили, даже вроде вообще глупее их, — я даже не вступаю в споры. Но однажды меня задело слово о «Повести о настоящем человеке» Бориса Полевого. Ее называли «агиткой». Я снял книгу с полки и перечел. От первого знакомства с повестью, от «моего» Алексея Мересьева отделили больше четырех десятилетий и множество других сыгранных ролей. И вот с этой дистанции я обнаружил, что читаю хорошую прозу!

— Может быть, пренебрежительную оценку давал человек, попросту

истинной роли искусства. Борис Полевой написал ее очень быстро. Она буквально выплеснулась из него, как выплескиваются стихи.

Я знаком с Алексеем Петровичем Маресьевым. Первое, что о нем можно сказать, — это человек очень добрый. В нем жива постоянная потребность помочь нуждающимся в поддержке. Это знак силы, свойство очень русское.

Вспоминаю деревню — я родился в Ленинграде, но рос в селе Бикбарды и деревне Амур бывшей Пермской губернии, — так вот в страду были в деревнях **помочи**, когда всем миром помогали друг другу жать или сено косить. Сегодня, скажем, у Юхтиных помочи, завтра — у Кадошниковых и так далее. Люди шли с чистым сердцем, отбросив будничные обиды, если они существовали между кем-то. Это был своего рода очистительный, **мировотворческий** акт. Люди объединялись на основе лучшего в самих себе.

Эти же идеалы пронизывают всю нашу великую литературу. Я, напри-

слабеющая рука князя, он роняет свечу... затем — его лицо, спокойное и чистое. Он лежит в луче солнца. Это уже образ! Это — искусство. Как много сказано.

Мне доставляет огромное удовольствие работать с такими режиссерами, как Никита Михалков и Булат Мансуров. Это действительно люди искусства. Наслаждение смотреть, как они работают, слушать их размышления. На съемочной площадке царит философский настрой: что такое правда? что — неправда? Ты участвуешь в процессе создания **художественного**. Это и есть тот уровень, за которым начинается искусство.

— Кто из современных писателей вам особенно близок?

— Великолепный писатель Валентин Распутин. Глубочайший человек! Еще Виктор Астафьев... Вот только никак не могу понять его стремления выдумывать слова. Зачем? Русский язык настолько богат и выразителен, в нем каждое слово — уже образ. Наш язык удивителен тем, что сам по себе

КАКОВ ОН, НАСТОЯЩИЙ ЧЕЛОВЕК

ее не читавший? Не секрет, что целые поколения школьников, получая аттестат зрелости, не только советскую литературу, но и классику знали только «с голоса» учителя, в лучшем случае по хрестоматийным отрывкам...

— Возможно. Тем более жаль. Вот так, например, мы прокричали Маяковского. Причем, немалая вина здесь актеров-чтецов. А сколько в нем нежности, добра, боли! В то бурное, сложное, неповторимое время он был безгранично влюблен в свое Отечество. И надо было понять его вместе с его произведениями. Умом и сердцем. Вы только послушайте, какая доверительность в строках:

Ты посмотри, какая в мире тишь.
Ночь обложила небо звездной данью.
В такие вот часы встаешь

и говоришь
Векам, истории и мирозданью.

Минувшее можно постичь только с помощью чтения. Ничто не способно сохранить время так, как книги. Много лет назад я открыл для себя Бориса Шергина, его «Сказы», и «Поморщину-корабельщину». Он потомственный сказитель. В древности, отправляясь в море, поморские рыбаки непременно брали с собой на корабль сказителя и платили ему пай, превышавший долю рыбака. В дальних промысловых походах случалось всякое, иной раз и зимовали на пустынном острове. И вот тут, в суровый час, именно сказитель поддерживал дух артели, спасал рыбаков от тоски и отчаяния, от душевных страданий и слабости. В «репертуаре» были и героические, и веселые, и поучительные истории. Передавались они сказителями слово в слово, пройдя через поколения. Прибавлялись новые сказы — как правило, заимствованные из самой жизни.

Размышляя о литературе и вообще об искусстве, я думаю, что главное, непреодолимое их значение в том же, что и у древних наших предшественников. Помогать человеку жить, утвердить его веру в добро, собственные силы, укрепить его дух. Это очень высокое назначение! Вот и «Повесть о настоящем человеке» — в русле той,

мер, считаю, что актеру просто необходимо читать Достоевского. Он как бы «вызывает» душу человека стечком за стечком, страдая от ее угнетенности.

Русская классика создала образ настоящего человека! Больше того, она **воспитывала** его, активно внедряла его мораль в сознание читателей. А вспомните, как буквально завожал мир русский интеллигент. В этом величайшее интернациональное значение нашей классики, ее созидательная сила.

Только что мы закончили фильм об одном таком, настоящем, человеке. Это создатель оркестра народных инструментов Василий Васильевич Андреев. Его судьба, оставленный им след в истории культуры — прямое свидетельство того, что истинно национальное всегда интернационально. Ведь когда сейчас, приезжая к нам, иностранцы бегут покупать балалайки, это след его просветительской деятельности. Он очаровал Европу балалайкой. С тех пор культурные столицы мира имеют «свой» русский оркестр — Париж, Берлин... И когда мы радуемся неизменному успеху нашего оркестра народных инструментов, не надо забывать, что это продолжение все того же, андреевского успеха.

Фильм называется «Серебряные струны». Я сам писал сценарий и совместно с режиссером Олегом Ивановым Дашкевичем ставил картину. Конечно, очень много пришлось предварительно просмотреть литературы. Кинематограф вообще не живет отдельно от литературы, живописи, музыки. В мире искусства все решительно взаимосвязано.

— Павел Петрович, в своем творчестве вы предпочитаете путь воздействия на зрителя через позитивное, стараетесь избежать всего, что может вызвать отрицательные эмоции. Это ваше убеждение?

— Я за искусство доброе, серьезное и глубокое. Помните, Лука у Горького говорит: «Ты говори ему почаще хорошее, он и будет хорош». Увидев «Снегурочку» Островского на сцене, Горький сказал примерно так: «Ах, какой мудрый человек это сочинил! Какая чистота, какое очищение души!». Иные могут назвать мои мысли старомодными. Но я вспоминаю Сергея Михайловича Эйзенштейна. Мы снимали в «Иване Грозном» сцену убийства князя Владимира, которого я играл. И вот я — тогда еще молодой — предложил ему, как мне казалось, очень смелое решение: а что если после кадра, где Петр Волынец крадется с ножом к князю, показать крупно, как возникает нож в спину и искаженное в предсмертной гримасе лицо Владимира?.. Знаете, что он ответил? «Натурально... изма!».

Сергей Михайлович всегда так говорил. И что он сделал? В кадре —

воспитывает. Надо только знать его... Я, знаете, безгранично влюблен в прозу Бунина. Она тревожит сердце. До чего он чистый, честный, и настолько россиянин!

Но я отвлекся. А если говорить о близком мне в современной литературе, то это герой повестей братьев Стругацких — Максим. Они попытались нарисовать образ человека будущего, «идеального человека», если хотите. Это мечта о том времени, когда исчезнут зависть, злоба, корыстолюбие, когда люди забудут об оружии для уничтожения себе подобных. Когда сам человек будет отвечать чистоте неба, чистоте воды. Да, это идеал, но кто сказал, что он несбыточен? Это фантастика, которая будоражит разум.

Вообще процесс творчества должен обязательно сопровождаться чувством радости. К сожалению, пока что и актеры, и режиссеры, и писатели нередко во время работы испытывают скорее не радость, а страх: пойдет — не пойдет? Издадут или нет? Сколько хорошего было загублено уже в процессе рождения из-за авторской неуверенности, которая программировалась внешними обстоятельствами! И в литературе, и в кинематографе...

— Павел Петрович, вы ведь и сами пишете?

— Я всю жизнь веду дневник. Записываю только то, что меня глубоко волнует, или если встретил нечто чрезвычайное. Пишу... и получается рассказ.

Например, есть у меня рассказ «Встреча». Дело было во время войны. Мы с артистом Владимиром Балашовым ехали в Алма-Ату. Вдруг дверь нашего купе открылась, и вошел солдат: «Извините, — говорит. — У меня билет в это купе. Не найдется ли для меня местечка?». Конечно, отвечаем, это же ваше место! Чего ж вы стесняетесь? Он, смущаясь, положил в уголок вещмешок, присел с краешку, расстегнул шинель. И тут мы увидели, что на груди его — Звезда Героя! Набросились с вопросами. Он еще больше смутился, а потом говорит: «О панфиловцах слышали что-нибудь? Вот я из них. Живой...».

Или другой случай, сравнительно недавний. Два года назад мне исполнилось семьдесят лет, и я поехал на свою вторую родину, в Бикбарду. Я был настолько потрясен встречей с земляками, их чистотой, открытостью, их человеческим совершенством, что стал писать рассказы... В этом году в издательстве «Молодая гвардия» должна выйти первая моя книжка воспоминаний и рассказов. Сейчас работаю над второй.

— Желаем вам большой творческой радости.

Беседу вела
Татьяна ОРЛОВСКАЯ.

г. Ленинград.

Как было бы прекрасно,
если бы на земле
существовало в этом давном
мире было бы так
природой больше времени,
сильнее можно сделать
доброе и плохое.

Л. Л. Кадошников.